

неизвестный русский авангард

Георгий
Спешнев

Личное дело
или Обнова

избранное
из неизданного

Георгий Спешнев

**Личное дело, или Обнова.
Избранное из неизданного**

«Издательские решения»

Спешнев Г.

Личное дело, или Обнова. Избранное из неизданного /
Г. Спешнев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839359-4

Собрание сочинений «Личное дело, или Обнова» Георгий Спешнев создавал всю жизнь, собирая его из отдельных самостоятельных произведений. Собрание состоит из двух частей и десяти сводов и условно делится на две части.

ISBN 978-5-44-839359-4

© Спешнев Г.
© Издательские решения

Содержание

Иносказание красоты Георгия Спешнева	7
Оглавление-план	14
Фрагмент из первого свода «Поры и тропы»	16
Правда двери	17
Смерть восторга	17
Песня ли мысль?	17
После купания	17
Как камень	18
Усталость пустот	19
Песня ли занавес?	19
Переулок скул	19
Волшебный шаг	20
Фрагмент из второго свода «Собор соборников»	21
Дверечь. Губы рассвета	22
Мимозг. Мимозы мига	23
Фрагмент из третьего свода «Я»	24
Я – яма	25
Фрагмент из пятого свода «Нет»	28
Уставшая повесть. Голод дали	29
Око звука. Пах похода	30
Залп пауз. Спешащей тишиной	31
Фрагмент из шестого свода «Скит» сборника «Гости»	32
Разложизнь. Горечарка	33
Мостки. Через чур	37
Сновещь. Спех	38
Мостки. Скитаний сток	44
Плачизна. Плач по волосам	45
Шкатулка шага	47
Фрагмент из шестого свода «Скит» сборника «Пришелец»	48
Аз	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Личное дело, или Обнова Избранное из неизданного

Георгий Спешнев

На обложке использована картина Льва Спешнева «Творчество», 1974

Иллюстратор Лев Спешнев

Дизайнер обложки Лев Спешнев

Корректор Лев Спешнев

Набор текста Ольга Решетова

© Георгий Спешнев, 2017

© Лев Спешнев, иллюстрации, 2017

© Лев Спешнев, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-9359-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Спешнев

Иносказание красоты Георгия Спешнева

Имя Георгия Валериановича Спешнева я впервые услышал в начале 1990-х годов от Рудольфа Валентиновича Дуганова. Блистательный исследователь творчества Велимира Хлебникова, Маяковского, Блока, Рудольф живо интересовался современной литературой. Особенно той ветвью, которая была связана с историческим авангардом. И когда родственники Г. В. Спешнева сказали ему, что в уральском городе Катав-Ивановске хранятся коробки с необыкновенными рукописями, он немедленно отправился в этот город и доставил коробки в Москву. Они хранились у него дома, где я имел возможность впервые с ними познакомиться. К сожалению, Рудольф рано ушёл из жизни. Первую публикацию из наследия Спешнева сделал друг Дуганова, замечательный хлебниковед Евгений Арензон в «Вестнике Велимира Хлебникова», посвящённом памяти Рудольфа.

Очень конспективно о родословной Г. В. Спешнева. Он принадлежит к старинному дворянскому роду. Наиболее известен из этого рода Николай Александрович Спешнев – петрашевец, друг Ф. М. Достоевского, которому он послужил прототипом Ставрогина в «Бесах». После каторги и ссылки (*по делу петрашевцев*) был редактором «Иркутских Губернских ведомостей». Георгий Спешнев его правнук. Правнуком Спешнева-петрашевца является также выдающийся советский китаист Николай Алексеевич Спешнев. Отец Георгия – Валериан Алексеевич – московский нотариус. Мать – Зинаида Геннадьевна – дочь выдающегося русского историка Геннадия Федоровича Карпова и Анны Тимофеевны Морозовой (*дочери купца Тимофея Саввича Морозова, один из её братьев – известный Савва Морозов*). У Геннадия Федоровича и Анны Тимофеевны было 15 детей. Стало быть, у Георгия было множество дядей и тетей и, вероятно, кузенов и кузин. Браки детей Карповых чрезвычайно интересны. Можно посмотреть в Википедии.

Георгий Спешнев родился в 1912 году. А уже в 1917 году случилось в России известное событие... В 1923 году семья Спешневых была выслана в Тобольск. Примерно семнадцатилетним Георгий возвращается в европейскую Россию, появляется в Москве, увлекается литературой, журналистикой, некоторое время работает журналистом в Новороссийске, Самаре, потом переходит на работу в строительные организации, работает в Палеве, Орске, Тихвине. В 1941 году эвакуирован с производством в Челябинск, где семнадцать лет проработает экономистом, затем переведен в Катав-Ивановск, где проработал до пенсии. Жена – Зоя Васильевна. Дети – Владимир, Ольга, Борис, Лев, Вера.

Внук – Всеволод Приймак – уже несколько лет работает над оцифровкой произведений деда. При моих обращениях к творчеству Георгия Спешнева я часто прибегал к помощи Всеволода. Эти обращения были бы весьма проблематичны, учитывая мою удаленность от рукописей. Всеволод подготовил пробный вариант книги оригинального писателя, который начинал с 30-х годов прошлого века не просто писал, а разрабатывал свою систему письма.

* * *

Писательство было осознано Георгием Спешневым как призвание, причём с авангардным устремлением к новому слову. Писательство тайное, ибо автор абсолютно ясно осознавал невозможность публикации своих текстов и очевидно не находил ни в Челябинске, ни тем более в Катав-Ивановске людей, которым он мог бы открыться как писатель. Знакомство со сводом рукописей Спешнева показывает, что его тексты были слишком радикальны не только для сороковых годов. Он работал над своими текстами до конца жизни, то есть до 1987 года.

Фактически Георгий Спешнев предпринял глобальный пересмотр всей художественной системы. Поскольку нет сведений о круге его общения и круге чтения вплоть до начала сороковых годов, можно только предполагать, что он был знаком с творчеством Хлебникова и вообще с текстами авангардистов 10-х—20-х годов. Влияния некоторых теоретических положений ранних авангардистов – от Хлебникова и Маяковского до Шершеневича и Кирсанова – ощутимы. Но не только ощутимы. Впечатление та кое, что Спешнев тщательно изучил весь корпус раннего авангарда (*более поздний, обэриутский, он знает просто не мог*) и на основе этого изучения создал стройную систему новейшей эстетики.

В самом деле, в его трактатах, каталогах мы обнаружим сумму уже найденного в раннем авангарде, но закреплённую и развитую на новом уровне. Интуитивные находки предшественников он как будто продумывал до конца, до последнего предела, при этом шёл дальше них. Возможно, поэтому у него нет ссылок на предшественников. Верно наблюдение Е. Арензона, который первым опубликовал некоторые фрагменты из огромного свода Спешнева: «Принципиальный (*хотя и вынужденный*) изоляционист, Г. В. Спешнев уверен в своей абсолютной авторской самостоятельности. Даже в связи с Заумью он не вспоминает Хлебникова. Он вообще не называет никаких имен, ибо уверен, что сам всё понял в искусстве слова и сам всё для себя нужное изобрёл. Между тем очевидна его опора на многих и разных писателей, которые существуют на этих страницах хотя бы отзвуком, оглядкой, какой-нибудь оспоренной идеологической тезой (*назовем, к примеру, Джойса и Пруста, Пастернака и Солженицына*)» (Е. Арензон. «Личное дело, или Пир во время чумы» (*штрих к истории литературного подполья*) Вестник Общества Велимира Хлебникова. Вып. 2. М., 1999, с.106).

Возьмем для примера небольшой фрагмент из записной книжки:

«Новое по-новому. Свободное сочетание слов и др. речевых построений без соблюдения правил речи (*логики, синтаксиса, грамматики*), но с использованием их для образа. Новый порядок должен вытекать из самого образа. При этом нужно использовать „чужие“ порядки, заимствованные из временных [искусств] (*ритм*) и пространственных (*симметрия*), но тоже, не подчиняясь им, а употребляя для образа. Поэтому следует отказаться от искусственных синтаксических построений, тем более [...] от грамматической согласованности и от парадоксально-логических уравнений, сохраняющих логическую последовательность».

Эта запись со всей очевидностью восходит к манифестированию Вадима Шершеневича периода имажинизма и особенно к его манифесту 1920 года « $2 \times 2 = 5$: Листы имажиниста», в котором он радикально пересматривает нормативную грамматику, мешающую, по его мнению, созда нию ярких образов:

«Поломка грамматики, уничтожение старых форм и создание новых, аграмматичность, – это выдаст смысл с головой в руки образа... Мы хотим славить несинтаксические формы».

Вполне возможно, что Спешнев мог читать этот текст в одном из сборников литературных манифестов, которые выходили в 20-е годы, однако он мог прийти к этим выводам и вполне самостоятельно. В данном случае привлекает внимание сходство устремлений, что подтверждает наш тезис о незавершённости авангарда, о возможности возобновления поиска на тех же или близких основаниях, хотя и в других условиях.

Одним из главных положений свода творений Г. В. Спешнева является его **Антиэстетика**. В специальных тезисах, обосновывающих всевозможные **анти-**, Спешнев упоминает и антироман, и театр абсурда как «частные случаи общего направления современной эстетики, вернее – антиэстетики», по его мнению, «основанной на принципах, прямо противоположных принципам классической эстетики».

В **Антипоэзии** Спешнева действуют **Антиметафоры** – «уподобления по противоположности», возникает **Антиметр** – «ритмичное нарушение метра», **Антирифма** – протипоставления звуков, «звуковой контраст». Построение **антистиха антифабульно** – не развитие-движение во времени, а остановка в пространстве.

Центральная мысль этих тезисов: «Речь в антистихе оказывается не последовательным изложением, а перечнем описаний или монтажом. Хронология и волны ритма уступают место геометрии и симметрии».

Таким образом, Спешнев заново пересматривает и вводит в оборот в качестве правил открытия раннего европейского авангарда – от футуристов до сюрреалистов. И это оказывается не просто смелым ходом на фоне довольно серого соцреализма. Своей ОБНОВОЙ Спешнев пытался обновить словесность в более широком плане, а не только ту, которая в то время отцветала. Ничего не зная о французской группе УЛИПО, которая еще в 50-е годы работала с комбинаторикой («Сто тысяч миллиардов стихотворений» Раймона Кено), Спешнев пишет о новом стихосложении как о «многоступенчатом сочетании слов»: «Число возможных сочетаний и сочетаемых элементов на деле безгранично».

Эти бесконечные сочетания он называет «музыкой расположения».

«В общем в антипоэзии нарушение правила превращается в новое правило.

Это приводит и к отрицанию не только логики, но и изобразительности. Не только содержания, но и формы.

Мысли здесь непоследовательны, образы – беспредметны. Это живая стихия речи. Её опора – жёсткий тематический каркас. Её сущность антикрасота – иносказание красоты.

В антипоэзии отрицание – основной, но не единственный прием. И только прием, а не сущность.

Антипоэзия использует отрицательную сторону языка. Язык как средство разобщения.

Ибо язык – граница и различие. Языки различны. Язык – тайна.

Отрицание – обновленный образ речи, а значит, и действительности, которая и есть речь».

Простота парадокса затрагивает и мягко переворачивает не только классическую механику искусства, но и механику нового времени. Если Хлебников говорил о том, что умные языки разъединяют, и призывал к созданию за-умного языка, а в перспективе звёздного, то Спешнев признает язык средством разобщения и призывает использовать отрицательную сторону языка. Знаток нескольких европейских языков, он был точен в своих определениях. Граница проходит по языку, а не по территории. Если множество языков внутри одного языкового ареала еще можно как-то свести, то языки противопоставленных ареалов настолько разнонаправленны, что каждый даже познанный язык все равно остается беспредметным по отношению к родному.

Нарушение логики и изобразительности, о котором говорит Спешнев, это выход в жесткую беспредметность, за которой угадываются очертания еще неведомых нам предметов и лиц.

Теоретические построения Г. В. Спешнева захватывают своей антикрасотой и антилогикой. Их убедительность, разумеется, неочевидна. Она антиочевидна. Даже зная принципы Спешнева, на которых он строит свою Антиэстетику, на первых порах трудно включиться в причудливую игру смыслов, они кажутся отчасти просто забавными, отчасти излишне перегруженными паронимическими сближениями.

Например, в «Сборнике третьем» «Самосуд в переулке» глава первая «Главера или луг заглавий» в самом деле состоит из как бы заглавий. Согласно авторской теории, выдвигающей как основное и «удобное» число 7, в этой главе семь разделов, а каждый подраздел состоит из семи строк-заглавий. Среди этих «антистихов» есть более прямые, ориентированные даже на некоторую расхожесть заглавий, но при этом почти всегда следует обман ожиданий. Например:

Зуд задач

Найти известное

Ожидание происхождения

Восхищение хищением

Побег Бога

Нашествие происшествий

Здание задора

Зад задачи

В другом случае – прямая нацеленность на определенный приём. Как в случае обращения к зауми:

Зараза зауми

Заумир

Заразум

Зарассудок

Заумиг

Заумора

Заумновь

Заумимо

В этом случае мы встречаемся с особым осмыслением зауми через сочетание негативного и позитивного, ироничного и пафосного. Свои творения Спешнев именует то антистихами, то стихопрозой. Он определяет в том числе и заумное: «В стихопрозе косвенный смысл должен быть единственным смыслом, то есть стать прямым. Предел косвенного смысла – заумь. Это не бессмысленное безумие с утерей образа. Это новая связь воссоединенных косвенного и прямого смыслов».

По мысли Спешнева, слово – это тело, то есть сущность, но он подчеркивает наличие множественности языков в одном языке – «Каждый человек – родоначальник и племени, и языка». Отчасти по этой причине он настаивает на крайней индивидуализации стихопрозы, то есть индивидуальном построении художественного мира из «общего» языка.

Сквозная паронимия, восходящая к барочному плетению словес, ему представляется той формой, которая позволяет реализовать его теоретические построения. Это способ организации «покоя в пространстве», то есть своеобразное топтание на месте, внешне как бы холостой ход, за которым, однако, прослеживается внутреннее движение, почти незаметное глазу.

Поразительно, но задолго до появления компьютерных возможностей Спешнев создает настоящий гипертекст, о создании которого сейчас всё еще спорят, находя неудовлетворительными все новейшие варианты. Таким образом задается новая степень или новая форма

коммуникации. В идеале образное представление должно реализоваться. Подобно тому, как это происходит в одном из фрагментов спешневского гипертекста. Этот фрагмент называется «Кольцевание следов»:

Моё намерение – войти во все дома ума.

И во все умы домов.

Постучаться во все двери-веры.

Заглянуть в подвалы воли.

Залезть на чердаки причуд. И чуда.

Напомнить. Вспомнить.

Сомкнуть нить сомнений.

Мнить. Возродить.

И то, что было. И то, что быть могло.

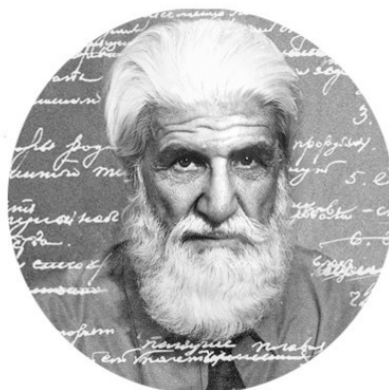
И то, что не могло.

Быть.

Сергей БИРЮКОВ
бивуак Академии Зауми,
Средняя Германия

Я верю, что если это сочинение
будет канонизовано, то рано или поздно,
оно будет прочтено и понято.

2. Karmal. Vladimir. 2012/12/15

Оглавление-план

часть 1 Любовные игры нашего века

- свод 1 Начальная летопись
 - сборник 1 Небо и земля
 - сборник 2 Слово
 - сборник 3 Дело
- свод 2 Одинокая комедия
 - сборник 1 Одинокая комедия
- свод 3 Конец света
 - сборник 1 Тьма
 - сборник 2 Верёвочка
 - сборник 3 Про-свет

часть 2 Словесные игры не нашего века

- свод 1 Поры и тропы
 - сборник 1 Вчера
 - сборник 2 Завтра
- свод 2 Собор сборников
 - сборник 1 Одоление идола
 - сборник 2 Убогий бог
- свод 3 Я
 - сборник 1 Задача чуда
 - сборник 2 Дань данным
 - сборник 3 Лень явления сборник
 - сборник 4 Груз зари
 - сборник 5 Жажда ожидания
 - сборник 6 Корни конца
 - сборник 7 Задача ночи
- свод 4 Великая слабость
 - сборник 1 Особняк беса
 - сборник 2 Беседка
 - сборник 3 Домовина
- свод 5 Нет
 - сборник 1 Зачем
 - сборник 2 Где
 - сборник 3 Куда
 - сборник 4 Кто
 - сборник 5 Кому
 - сборник 6 Как
 - сборник 7 Никогда

свод 6 Скит

сборник 1 Гости

сборник 2 Пришелец

свод 7 Восвояси

сборник 1 Возвращение

сборник 2 Самосуд в переулке

Можно было бы продолжить оглавление для каждого сборника и его подразделений. Но такое подробное оглавление было бы воспроизведением значительной части текста, потому что заглавия здесь – это его равноправные части.

Важно – лишь знать общий порядок. Каждое подразделение имеет своё особенное строение. Но это строение повторяется в общих чертах и чередуется с другими построениями в определённом, – простом, но строгом – математическом порядке. Этому повторению и чередованию соответствует перекличка заголовков. При чтении надо обращать внимание на эту перекличку. Перекличке заголовков соответствует текст, повторяющийся по форме, но разный по содержанию.

Возможно что главное – это оглавление. Мир и Бог – это только заглавия Тайны. И оглавление – это единственный способ познания, то есть творчества.

Фрагмент из первого свода «Поры и тропы»

часть 2 Словесные игры не нашего века

свод 1 Поры и тропы

сборник 1 Вчера

сборник 2 Завтра

сборник 1 Вчера

свиток 1 Юный камень

свиток 2 Развалины благовеста

свиток 3 Воскресение будущего

свиток 4 Русалии

свиток 5 Раздетая правда

свиток 6 Кумир мрака

свиток 7 Памятник тьмы

свиток 1 Юный камень

столбец 1 Правда двери

столбец 2 Усталость пустот

столбец 3 Слава следа

столбец 1 Правда двери

глава 1 Смерть восторга

глава 2 Песня ли мысль?

глава 3 После купания

глава 4 Как камень

Правда двери

столбец 1

Смерть восторга глава 1

Может быть я не единственный человек, незнающий что такое несчастье.

Зато я был единственным человеком, видевшим Незнакомца, когда он возвращался с купания, перекинув через плечо белое, смелое, пляшущее полотенце.

День был голый и ясный, как голодная истина губ сна неба.

А небо было без предела, как босые игры восторга в гулких глазах Незнакомца.

Незнакомец, наверное, больше всего в жизни боялся смерти. Не бояться смерти можно только совершая такой подвиг, чтобы

застывшая память о нём была сильнее, чем собственное ощущение жизни.

Но что могло быть сильнее того ощущения радости существования, с которым Незнакомец поднял с дороги первопопавшийся камешек и кинул его изо всей силы в пустую усталую пасть неба?

Он кинул его только для того, чтобы расправить свои поющие плечи.

Камень витиевато взвился.

В это самое время из-за резвого поворота дороги выехала мчащаяся машина и ударом в спину мгновенно убила Незнакомца.

Он лежал животом вниз – будто бежал и споткнулся. Рядом с ним молчала нежная лужа крови.

В стороне валялось отброшенное спелое полотенце, кроваво-белое, как хвастливо преувеличенный цветок бессмертника.

Песня ли мысль? глава 2

Никаких свидетелей, кроме меня и Водителя, на гордой дороге не оказалось.

И я сказал, как слепил слепое изваяние пустоты:

– Вот человек, которого никто не знает и который сам не знает, что умер.

Это остановившееся навечно счастье.

После купания глава 3

Невдалеке на берегу сидела Девушка.

Она расчёсывала свесившиеся на лицо волосы.

Они были мокрые, смеющиеся и блестели как её, плеснувшие шёлк, глаза.

Каждый раз, когда в гребёнку попадали спутанные веселием волосы, Девушка делала сырую гримасу.

И тогда на щеках её появлялись морщинки, тонкие, как потные лучи света, пробивающиеся в тёмно-медовую ночь сквозь шепчущиеся щели закрытых ставень.

А камень, вспыхнув, веселясь описывал дугу, как выпущенный в голую, голубую глубину, лёгкий, белый голубь голодного гула мига.

Внизу знойно зеленела земля, полз дразнящими узорами вежливый змей реки, шелестя и свиваясь в серебристые, свистящие, скользкие болтливые кольца.

Как камень

глава 4

Рядом с Девушкой что-то шлёпнулось, как вспышка шёпота.
Она обернулась и увидела маленький камешек, серый и круглый, как жизнь человека.
Она взяла его в руки и стала лениво подбрасывать на талой ладони.

Усталость пустот

столбец 1

Песня ли занавес?

глава 1

Занавес долго волнуется, как будто за ним бьётся большое шепелявое сердце.

Медленно, с шелковистым свистом, он расплзается в бледно-синеющую улыбку.

В темноте сверкают гневные взгляды света.

В противоположных стенах распахиваются двери, как два человека, бросающихся друг другу в объятия.

В дверях, как серые цветы, вспыхивают люди.

Они идут медленно, походкой колеблющейся, как пламя свечи, когда сидишь один и ждёшь, а в открытое окно неясно вздыхает застенчивый вечер.

Они сходятся и расходятся, мелькая как рассеянные мысли. Глаза их тоскливы, как разбитые окна, в которых дует холодный осенний ветер.

Переулочек скул

глава 2

Переулочек был как глуповатый, долгий взгляд влюбленного.

В переулочке, прячась друг за друга, стояли маленькие ленивые дома.

Они кутались в синие, сонные, снежные платки и как будто дрожали на холоде в ожидании стучащего счастья.

Иные дома прижимались друг к другу как парочки у заборов. Другие стояли одинокие, понурые, как человек тоскующий среди незнакомой весёлой толпы.

Трубы домов дымились.

Их дымок был неясный, сонный, тонкий, хрупкий и полупрозрачный, как пар изо рта.

Он медленно полз вверх, пухло таял и исчезал бесследно, как грустное хрустящее воспоминание.

Среди маленьких домов стоял серый, строгий, постаревший небоскрёб, как огромное сухостойное дерево среди молодого леса.

Оно стоит седое, как старое серебро с чернью. Неможно торчат его чёрствые ворчащие ветви. Сухо кашляет в них ветер.

А вокруг него нежно волнуется жизнь.

Плавно гнутся в бесконечно длинных поклонах потяжелевшие ветви.

Плачут светлые, шепотливые глаза листьев густым, кудрявым, рослым соком зеленого пения.

Иные дома в переулочке были угрюмые, разбитые, как утомлённые расстроенные люди.

У таких людей болезненные жёлто-серые лица. Как старые, давно небелёные стены.

На щеках у них морщины, похожие на трещины в штукатурке. Под глазами чёрные круги. Как потухшие окна.

Другие дома были грязные, красно-кирпичные, как обветренные лица работающих на морозе.

У маленьких домов крылечки были с полуразрушенными решётками, полуразвалившимися ступенями, с дверьми, покосившимися как измученный человек, прислонившийся в изнеможении к стене.

Эти крылечки были похожи на потрескавшиеся лихорадочные губы.

Входы в небоскрёб были чёрные, безмолвные, как огромные, беззубые, готовые проглотить вас без объяснений.

У всех домов окна были невымытые, серые, как усталые, бессмысленные глаза людей, проходивших по переулку.

С утра прохожие сыпались здесь – то как сырой, рваный, нервный снег, то как пыль, шепеляво пляшущая в солнечном луче.

На углу торчал дотошный лотошник.

Он поставил свой лоток на мостовую, а сам уселся на тумбу. Он нагло оглядывал спешащий переулок.

Его взгляд был пустой и тёмный, как дыра, пробитая в каменной стене.

В уголке рта у него тлела папироса. По временам она вспыхивала, будто на сырой мостовой пышно расцветал красный сна цветок.

Серебристый пепел сыпался ему как на лунное сутулое сияние. Вечером переулок погружался в темноту, как будто, шатаясь, тихо спускался в подземелье.

В окнах вспыхивал свет, как тупая мысль в человеческих глазах. Медленно смыкались занавеси, как побеждённые сном кованные веки.

За занавесями тени сновавших там людей появлялись и исчезали как чахлые сны.

Тогда наверху, бледно дышащее, душисто поющее зарево далеких площадей и улиц начинало трепетать, как шелковисто-мокрое, от синей крови молний, крыло черно-огромной, царственно-подстреленной птицы.

А внизу – переулок, как тонкая струйка черной крови, стекающая по белоснежной, мятежной коже ночных сияний.

Волшебный шаг

глава 3

Она шла и её шёлковое платье шуршало, как осыпающиеся осенью листья.

<...>

конец фрагмента

Фрагмент из второго свода «Собор сборников»

часть 2 Словесные игры не нашего века

свод 2 Собор сборников

сборник 1 Одоление идола

сборник 2 Убогий бог

сборник 1 Одоление идола

свиток 1 Замок незнакомки

свиток 2 Проворное время

свиток 3 Стук огня

свиток 4 Усталое пламя

свиток 5 Крик рока

свиток 6 Сугробы сна

свиток 7 Ивановизна

свиток 1 Замок незнакомки

глава 1 Дверечь

глава 2 Мимозг

глава 3 Окноги

глава 4 Вдали боль

глава 5 Стеновь

Дверечь. Губы рассвета

глава 1

Роемся серое творчество проросшего утра вспыхнувшей своры вёрст.

Порется рассеянность прохлады хрустящих птиц, засорившаяся истлевшей рошей хора, спешащая воркующей церковью.

Крестятся чёрные рыбы рослых рос встрепенувшейся смерти шага плешивого шума света.

Потягивается томной немотой остывшая, вышитая судорога дорог, память помятого рыгающего тенью, горбатого ветра.

Пышно пьющие мысли леса осунулись потным отдыхом.

Нарывают нарванные веры грузного зарева ныряний биения гор.

Бредут дряблые блюда заспанных прядей прищуренного пруда. Ленивые ивы умываются шепчущей улицей.

Коротая рокот трав, открыты крутые утки сутулых суток.

Кружатся жирные пожары журчащих цветов вздрогнувшего востока вздоха стада.

Стихи сухие лысого хлыста лопаются, лапаясь лучами чисел мычащих заиканий.

Раскроенные крики гор застряли бодрими вёдрами неба ран.

Дышет тенистый поезд разбрызганных зданий сломанного холода медленно молодости кривой дали.

Восстанет снующая синева смолкнувшего молока голодных колоколов.

Но кто лакает старые стуки рака рока?

Мимозг. Мимозы мига

глава 2

I. Очерк рока

Однажды снежно разбуженными одеждами вздоха ложа дождя тонко поникшего дна, он шёл скучающими чашами осунувшихся шагов вогнутого горстью гостя роста речи, прищуренно скулящими, шевелящимися улицами, ящерицами ощеренно пустующего шума света, извитого старого роя прохлады чёрных прохожих, хрупкими толпами серго ветра ресниц, умирающих хором рёв тёпла плена, спешащими числами сочного потухания, поющим водопоем покоя скоплений потери трепета оков узкого века привкуса строя троп скорченного цвета ропота вечера пор черчения порчи рычания опечаленных льющихся свеч сечи.

II. Толчая умолчания

Тихи ли, хилы ли волхования ивы звона? Куда кудлатые доклады далее клада? Смех вех, новь, вывих сна.

Одиночество – начало зодчества вечерней черни света, речь.

<...>

конец фрагмента

Фрагмент из третьего свода «Я»

часть 2 Словесные игры не нашего века

свод 3 Я

**сборник 1 Задача чуда
сборник 2 Дань данным
сборник 3 Лень явления
сборник 4 Груз зари
сборник 5 Жажда ожидания
сборник 6 Корни конца
сборник 7 Задача ночи**

сборник 1 Задача чуда

**свиток 1 Мир
свиток 2 Человек
свиток 3 Китеж**

свиток 1 Мир. Мирообраз

**глава 1 Я – яма
глава 2 Утроба – утро**

Я – яма

глава 1

Призыв зеваний. Бездна плена полуглава 1

I. Застой замёршего запева

1. Узор из вер

Зло заползло
Завяли звери розового взрыва
Завяли зовы
Зевнули взоры звона
За пазухою запаха опухла чёрная заря

2. Звездар

Везде распахнутые вздохи звёзд.
Бледная доха смеха прохлады лада пухлогубо глохнет.
Хрипло раздевается дева воздуха мохнатого бездны звона темноты.
Вдовы пуда удавами уводят увидеть вдавленные увядания дна.

3. Голод дна

Голодно дебелие болото боли.
Холодно сломана битва ботвы объятий голубого бега.
Голо улыбаются белые молитвы мёда.

4. Мостон

Статно стыннут синие стоны моста, пушисто осипшие тени пения, ветвистые свисты сияний.

Лысо ослепла плесень сна лестниц шелеста.
Смеются кислые ночи сутулого голоса огня, нагие книги снега.
Стыннут истины листвы.

5. Голая луна

Снуют сияния, но мысли запахов затихли. Нагишом гниют шаги.
Тучно устал талый чулок луны.
Заштопана страшная шарящая роца шёпота.
Смуглые иглы луж пленно жгут улыбки.
Легли голые глаза капель покоя. Углы лгут.

6. Совек

Кость сока.
Восток весов.
Сова веков.
Оси оса.
Оковы высоты.
Сыты советы сот.

7. Молчание молока

Ямы имя – ночь.

II. Кожа прыжка

1. Дрогоры

Вдруг вздрогнула дорога.
Рога гор брызнули резвые резьбы.

2. Коль мрака

Красная кража торжества.
Кружевной прыжок дрожи.
Румяный крик мрака.

3. Плесня

Осыпались заспанные песни.
Весело заплесневела вселенная.

4 Полёт падения

Крылья тяжести плеснулись жить.

5. Небод

Небо – дно свободы.
Свадьба взгляда.

6. Босой вздох

Насупились следы вздоха.
Ступени пустоты босо спят.

7. Тупустье

Пасть сути – пусть упасть.

III. Солённое солнце

1. Словолуние

Заснули замусоленные луны слова.
Густые гусли снега смугло погасли.

2 Казноры

У зоркой казни окон спело полом поломанное солнце.

3. Застень

Потянулась тонкая бездна застенчивой тишины.

4. Нагуб

Нога гомона неги гонений нага мигом.
Бег губ погиб ключьями в мучительных челнах лучей.

5. Ночерь

Чин ночи – чёрное утро.

Посвящение. Себе
полуглава 2

I. Образу. Жить
Ненаписанные сны рос.
<...>

конец фрагмента

Фрагмент из пятого свода «Нет»

часть 2 Словесные игры не нашего века

свод 5 Нет

сборник 1 Зачем
сборник 2 Где
сборник 3 Куда
сборник 4 Кто
сборник 5 Кому
сборник 6 Как
сборник 7 Никогда

сборник 1 Зачем

свиток 1 Творчество цели
свиток 2 Притча о долге
свиток 3 Дары бреда
свиток 4 Притча о дарах
свиток 5 Зверь веры
свиток 6 Притча о казни
свиток 7 Искусство смерти

свиток 1 Творчество цели

глава 1 Уставшая повесть
глава 2 Око звука
глава 3 Залп пауз
глава 4 Око звука (2)
глава 5 Залп пауз (2)
глава 6 Око звука (3)
глава 7 Пропись пропасти

Уставшая повесть. Голод дали

глава 1

На рассвете с востока из-за леса появляется человек.

Перед ним открываются безлюдные дали, окаймлённые на западе грядой гор.

Он бодро идёт на запад.

К полудню он начинает уставать. Его мучает жажда и голод.

Но он продолжает идти, не останавливаясь для отдыха.

К вечеру он начинает торопиться. Он должен успеть до ночи.

На закате человек, наконец, достигает вершины горной горы, но перед ним открываются новые дали, окаймлённые на западе новой грядой гор.

Око звука. Пах похода глава 2

I. Раны утра

Синеет стук беспамятства песка расписки скал соломы смеха тихих ран.
Проросший ветром оркестр роста чёрен.
Седые двери хруста стран рассеянно жуются жутью.

II. Дряхлое питьё

Потный холод ядер дыр рыдания дряхло снится.
Рассвет сопит тупым питьём.
Свет каши веса выкашлял мышление.

III. Ленивые лезвия

Зевнула луна, подливая вязкие колени зал лезвия восстания. Храм меха маха нор роняет
меры рванных серых солнц.
Лимонным тлением лени мнётся пение тумана.

IV. Бёдра росы

Бодро, вёдрами дородных входов, вздохнули бёдра дрожи робких рос.
Вылеплена пленной пляской ловля вялой лавы лавки воли ловких ив кивка явления.
Выплеснут шелками камня, человек. Чулок шипучего, шагая крошится часами.

V. Ссоры рощи

Строгость горсти грустной рыси гор старее тростью русой ссоры.
Близи лижутся процеженно звеня журчащими зверями.
Лопаясь плеском, блеском плетённые толпы безлюдности, стенами вести, пьют шелест
взгляда болот.

VI. Стук окоёма

Сырые письма осипших лестниц птиц лиц целятся цепями запнувшихся просторов.
Гулко выпилены пыльные глаза плюющих лап полян.
Реки каркают травой руки ворот.
Гулкие губы леса плещутся считая.
Гамаки, макая думы окоёма, сосут косу, читают тёплой сыпью, пьющих плетью лет.

VII. Пузатая даль

Лилии улиты гор лилово полились сутулой постелью.
Хрупкие пустоты роста ступают мухами тупого мха сухих хором ворованных порогов.
Вздохнул землёй лязг изгрызанного запада задов.
Воз пуза золота затих. Блёкло дует пуд дали.

Залп пауз. Спешащей тишиной

глава 3

I. Движога

Ненужность движения.
Изжога гор.

II. Скорбискра

Скорбь скорости.
Искр риска старость.

III. Привычар

Века – привычка.
Чар меры вздоха.

IV. Простория

История простора.
Тенями ямы выть.

V. Гребуря

Волк неба – сон.
Игр погреб бурь.

VI. Скитрах

Страх – тростники скитания.
Болото смеха – боль.

VII. Сяпах

Мысль цели – шаг.
Сияние – запах пения.

VIII. Возваль.

Цель – возвращение.
Нищета вселенной.

IX. Пустьвер

Усталость – творчество.
Путь – топот пить.

X. Теньцо

А солнце – тень.
Осины пение.
<...>

конец фрагмента

Фрагмент из шестого свода «Скит» сборника «Гости»

часть 2 Словесные игры не нашего века

свод 6 Скит

сборник 1 Гости

сборник 2 Пришелец

сборник 1 Гости

свиток 1 Государство радуг

свиток 2 Численник личности

свиток 3 Пролежни

свиток 4 Неугомонный гамаюн

свиток 5 Одышка

свиток 6 Сорок сорок срока

свиток 7 Кто там?

свиток 1 Государство радуг

глава 1 Разложизнь

глава 2 Сновещь

глава 3 Ось

глава 4 Сказнь

глава 5 Певера

глава 6 Сбеседа

Разложизнь. Горечарка столбец 1

На виду Свид и Невид. Завидуют. И думают. Сначала молча. Потом вслух.

Тёмноокое окно распахнуто.

Ахнув тихой высью. Смеха взмахи синие.

Охровое потухло ухо. Махровый храм слуха. За пазухой затхлого заката, – опухший сияющий пахучей тишиной сад.

Потно-туманно-застенчиво-тенистый, чёрнолистый, лучистый ослепительный плеск.

Буйный кубок объятий невнятной матери тьмы. Струисты руки. Искристы рисованные свисты, неистово приникшие к сосущим, плачущим шелкам ладошек вечерка курчавого.

Велеричиво, жалостливо, лениво склонилась ласковая ива. Дымно думающая дева увядших вод сочно расчёсывает смеркающиеся волосы, озорно-зелёные.

За розовыми озёром резвятся захмелевшие холмы. Всклоченные склоны пышно-сытно обсыпаны спящими крышами карабкающихся озябших избушек. Бледно усталились искусно думающими стенами, – дома многоэтажные, важные. Холмов вершины робко барахтаются в хмурых бархатах боров зубастых. Скалы оскалились клыкасто и остыло.

Над взлохмаченными, взмыленными холмами – голые голубые луга глазеющей глазури сна небес.

Беснуются косые косяки былинных, клубящихся пышно, кобылиц. Колодцами лихими поют облака.

Немые табуны. Подражание ржанию. Морды дымные, вспенённые уронили рвано и неровно. Понуро утро.

Но гневно и мгновенно вздыбится молчание. Ночь шею пышно изогнувши, хрипло вспыхивая лунной гривой, сверкая молочными очами, огненно вздрогнув звёздными ноздрями, передними копытами брыкая, круги вихрастые, чёрноковровые взрывая, тучно умчится в зычной тишине.

Жадно чередуется даль и высь. Небесное смеясь слилось с зелёным. Окаменелый бег растаял. Глубины чисел исчезают, уют бездонный пьют.

За горестными горами, ряд за рядом, гряда за грядой, сгрудились радостные радуги. Голые, полногрудые, прозрачно-грузные. Дышит музыкой перламутровое нутро-утро. Горит сквозь певучий пух – ласковый лоскут зари. Лаз зари. Зовущая гора беззубой бездны. Голубой лоток – глоток вселенной.

Зерна зрения разбежались. Зарницы зреют. Мелькают икая, неуловимо слизанный изломы. Трещины шуршащие черкают темноту, мохнато-бездыханно, свисающую с неба

Свид: (*кивнув в сторону окна*)

– Вот эту остекленелую, но естественную красоту, воссоздать описанием нельзя. То есть повторить её не только пером на бумаге, но и даже кистью на холсте. Хоть всю жизнь пиши, но не научишься подражанию природе. Да и не к чему. Надо природу создавать. Конечно, всё искусственное – это подражание естественному. Нельзя изобрести того, что есть, но не все видят. Но главное в изображении – это применение природных свойств, устройств и построений к новым обстоятельствам. Значит новы обстоятельства, (*махнув рукой*) – Да ведь и обстоятельства всё те же.

Свид отворачивается о окна. Свид и Невид оба старики. Худые, сморщенные, усталые. Чёрно-синие. Как вечер старого серебра.

Невид:

– Ну, это уже нет. Каждое мгновение другое. Само время – ново.

Свид:

– Часы, мгновения – это остановки, перерывы во времени. Время начинается со времени своего превращения. Время провалы памяти. Хочется зашить прорехи времени, а зашьёшь, – глянь, – времени то и нет. Значит – нет ничего.

Невид:

– Что же, можно согласиться, что и времени самого нет. Конечно нет. Время только образ, обращение, просьба быть. Но кто-то же просит?

Свид:

– Обрывки, лохматого времени – наше сегодня. Разрушение прошлого – это будущее. Но всё разрушается само, без нас. Об раз – разрушение сознания и знания. Творчество разрушение приёма, способа. Само видение – это разрушение видимого. Вон, смотри там, радуга-душа прозрачная разноцветья. Дух вздох света. Но радуга – лишь испорченное зрение. Цвет – разрушение света. И красота, – вот эта, и всякая другая – это лишь только радуга, – это движение от света к тьме.

Старики разрушенно молчат. Душисто дышит окно. Розовощёкие сливки – кивнули цветы. Внезапный пышно лучистый шёпот: чёрно-золотистый шлепок шмеля. Разбежался и исчез узорчато-раздетый вечерок. Грезящая стрекоза повисла, сверкая синекрыло.

Невид:

– Ты кажется начал рассуждение, Свид, с новых пусть и мнимо-новых, обстоятельств. Каких же?

Свид:

– Старость. Самое новое что может быть у человека. Правда старости – чёрная яма. Но тьма – это сгусток цвета. Старость – это совершенствование тела и души.

Невид:

– Это уже было. Ты это уже использовал. То есть не тьму, а старость, как повод для повествования.

Свид:

– Но тогда я оглядывался, подбирал крохи, объедки с собственного пиршественного стола. А сейчас новая повесть. Новый мир. И мир иной.

Невид:

– Но разве новы твои сны, плачи, запевы, припевки, сказки?

Свид:

– Для меня не новы, но это то, что я ещё не рассказывал и так не рассказывал. Ведь – это или чистая занимательность, – а занимательно – движение; движение – это страдание, – или это только краски, певучие краски. Но всё вместе – упоение движением и пением.

Невид:

– Для меня занимательность – странность, скорость, страсть.

Свид:

– И их полно будет. Для этого и служит способ изложения – волшебнo-непоследовательный, сказочно-необычный. Правда теперь это обычный способ – монтаж. Он отличается от последовательного изложения тем, что прерывист и тем, что неестественно составляется из разномастных, разноракурсных, разновременных и разнопространственных, совмещаемых разобщаемых событий, лиц, предметов. Сон – наиболее свободный монтаж. В нём события, лица, вещи свободно и неожиданно соразмещаются во времени-пространстве. Их связывает лишь цель или отправная точка движения. Кажущаяся конечно. Потому что прерывистость и создаёт непрерывность. А неестественное – это обнаруженное естество. Это познание. Удовлетворение любопытства. Но не любопытство связывает сон. Да и явь. К сожалению, в начале и впереди жизни – страх. Сон и сказка – это попытка освободит себя от страха, от чужого – для – ради жизни, как чистого движения. Оно завлекает, увлекает, и несёт.

Во сне и яви движется я. В повести и сказке он, она, оно. А если в повести я, то только как подменное имя вместо он. Но и наоборот он подменяет я. Думая о нём мы пишем про себя. Думая о себе мы пишем про него. Один прячется за спиной другого. Лицо двулично. Личность двойственна. Самому себе иносказание – вот кто мы есть. Подмена суть повествования. Да и существования и творчества. Монтаж и раздвоение – это старо как сон и сказка. Старое и новое чередуются. На смену искусственной непрерывности приходит искусственная прерывистость. На смену искусственному единству-искусственное раздвоение. Ново искусство. Естество старо.

Невид:

– Да, но на старости лет по-новому, что и то и другое вечно. Но вот насчёт раздвоения внутреннего мира нашего. Что это вражда? Или одиночество? Подмена внутренним миром мира внешнего? Но ведь и внешний мир – внутри нас!

Свид:

– В одном значении слово МИР – это самообнаружение. На миру и смерть красна. Вот почему и нужна слава. Слава нужна слову. Без неё, без внешнего мира приходится обращаться к миру внутри себя. А насчёт вражды, то в другом значении слово мир – это отсутствие цели или даже отчаяние. Без противника нельзя и жить и страшно умирать. Не противник – враг, а враг тот, кто делает ненужным сопротивление. Сопротивление же – это жизнь. И вот тогда приходится ломиться в открытую дверь. А за нею пусто. Никого и ничего. Борьба в пустую – победа твоего врага.

Невид:

– Все это грустно. Стары страдания. Они – природа, естество. Но где же новое, если без радости? Не превратится ли повесть в упоение страданием?

Застыли старики. Тишина изношенно грустит. Прозрачны розово-изрезанные созерцания. Занывший сад вечереет малиновым сердцебиением. Не птичий – чей-то финифтянный, тиснённый тенью хруста свист сиво повис сияя. Паутина пения усато оступилась.

Свид:

– Старость – горечь. Омоложение – чары. А все чародеи древны. Пойдём поэтому по этому пути. Выпьем до дна. А там будет видно. Да и нельзя останавливаться. Нам старикам важнее всего не выпрягаться до конца

Старики темнеют. Между ними на полу заулыбался, забился белый блик, как пойманная, испуганная птица. Но бесшумно. Свет – звук без плоти. Душа лишь описание тела. Но описание – жизнь.

Мостки. Через чур

1. Глаза и уши разрушают мир.

Послушай шелест света.

Стакан молчания. Шепчется свеча.

2. Творение – жажда. Или дождь огней нагих.

Жажда ж – ночь. Ручей одежды чёрный.

Ночь – ожидание чуда. Сочен топот сна.

3. Быть – это сам.

Сознание – рядом.

Мысль – самовозникновение или само возникновение.

4. Мозг – это устройство, которое не думает или устройство чтоб не думать. Оно срывается, выдавая готовую отпечатанную мысль.

Думы – мы.

Решения же – не наши.

5. Окно обмакни вселенною.

Тень истины – усталость.

Снег сна – ресницы. На них смеются синим, сиреневых стихов рос.

Сновещь. Спех столбец 2

I. Исток ока.

Внезапно аркой вспархивает, – синь-порох хора, – серебряная, как собор большая, как лес весёлая, как огонь нежная, легко льющаяся, пышно-неслышная, – не спится, – птица.

Пылится палица лица. Спалются пальцы. Птица длится.

Рябина – дробь. Робкий барабан. Клюёт ли лико клюквы? Ключи, лучи, клюки ли звука туч?

Летунья льётся.

С места на место мирно перепархивает. Ветки – ткани смех. Шуршат голубые сундуки взмахов храма рыхло-вихрого хитроструйных грустных крыльев.

Оглядывается удивлённо смарагдовым градом груди глаз. Оперенье сонливо переливается, как старинные рясы фиолетового лета. Тёплый лиловый ливень. Заспанные завесы жемчужно-вьюжные. Воз визга золотоволосого.

Самоголос:

– Опоздаешь, Спех!

Спех бежит застегиваясь на ходу. Вздох, как овраг чёрного входа прохлады. Выбегает, мохнато хлопнув дверь, на лестницу. Выщербленные каменные ступени. Пыль скрипит питьём. Перила пролились. Сломанные поручни. Пальцы ломит целью. Извиваясь, вниз сбегая густой лентой. Жаркий хвост потух. Страх.

Сбежав несколько ступеней Спех возвращается: закрыл ли дверь?

Но дверь холодно закрыта. И она другая: огромная, чёрная. Обита важной кожей. Чужая. На ней чищенная, сияющая, думающая медная дощечка. На дощечке чьё-то имя. Чьё? Некогда прочесть.

Рывком снова вниз. Сломая голову. Склока бега. Скатываясь, спотыкаясь. Дрожат колени. Прерывисто ворованные шаткие шатры шага. Серое сердцебиение. Вздох рухнул хламом моря.

Сменолиц: *(Он напоминает Спеху, сразу или попеременно, многих давно ушедших лиц. Но кого? В отдельности никого. Он многолик. В нём многие срослись. И всё же он отдельное лицо. Он говорит вдогонку Спеху укоризненно, презрительно, обиженно):*

– Опять не вовремя! Кто тебя будет ждать? Какое самомнение!

Спех:

– Они же обещали ждать!

Самголос:

– Но они хотят от тебя отделаться. Спеси!

Спех выбегает из дому. Запущенная стройка. Разрумяненные невыспавшие будни. Раскроенная, но не сшитая вымершая ширь. Усталая прореха простора. Нудное безлюдье. Молчат чавкающие остовы зданий. Смеркаются краны.

Под ногами колдобины, камни, мусор, торчат железки. Подморозило. Скользко. Спех спотыкается. Скользит и падает. Помогает себе руками выбираясь на откосы. Соскальзывает обратно. Задыхается.

Сменолиц: *(Тут как тут. Подаёт руку чтоб Спех мог выбраться. Снисходительно говорит):*

– Ну, авось не опоздаешь! Эх, неулака! – *(снова с упрёком)* – И какое, всё-таки, неуважение! Тебе ещё льгота – срок назначили! А кто-ты такой чтоб тебя ждать?!

Клок переулка. Чёрный. Мокрый. В чёрном воздухе – белый, косой, секущий щёки, снегопад. Белоголубой свет в чёрных клетках фонарей. Чёрная, блестящая, усатая мостовая окаймлена белым мокрым кружевом снега. Мерцание цокает. В снегу рыжие ржавые следы прохожих.

Белые талые толпы. Распахнутые. Торопливые. Но торопливость их равна покою – невозмутимая, равнодушная. Летящая толкотня.

Спех бежит виляя среди прохожих. Теряет один туфель. Делает несколько шагов по мокрому снегу. Неужели же он выбежал в домашних шлёпанцах? Возвращается. Слава Богу – добротный тёплый ботинок пуст. Мокрая нога в ботинке быстро согревается. Уют.

Самголос:

– Но стоит ли торопиться? Так-то скорее опоздаешь. Время – счёт. Торопиться – не успевать считать. Считать потери. Время – это потеря времени.

Фонари фыркают рывками. Переулок хлопотливо проглочен. Поперёк переулка часы. Поперёк времени. А стрелки их слились – без десяти десять.

Сменолиц:

– Ещё успеешь! Поезд уходит в десять, а до вокзала рукой подать.

Спех: *(Успокаиваясь)*

– Вот что значит начать считать!

II. Подворотня. Тени тьмы

Число – покой. Движение – неумение решить задачу или нежелание считать. Сосчитать – увидеть, ощутить вещь. Движение – исчезновение вещи во тьме. Движение – тень покоя. Тьма-тьмущая.

III. Листок окон

Наплывает зелёный влажный звон. Глазееет распутившийся лихо, павлиний хвост восстания стен. Иней стона. Алеют лютни тени. Вдаль, как пламя лени, улица летит. Разлинованно мчатся машины. Шёлково развалились толпы людские. Солнца летопись. Лето – сало. Цветы взасос. Стакан неба жаден. Огромные, как вопли сока, как кости спетые, – дома. Бело-жёлтые, бело-малиновые, белогубые, чёрно-золотые. Стоокие потоки окон. Локоны балконов летящих цепко. Ликуют колоннады. Витийствуют бронзовые зовы памятников. Насторожились лаково-заплаканные плечистые каланчи.

Самголос:

– Где же успели отхватить такую улицу – красную девицу в этаким захолустье?

IV. Подворотня. Пенне тьмы

Зодчество – разложение тьмы, как цвет разложение света. Объятия цвета каменны. Зодчество – звук света.

V. Сток срока

Спех в забывчивости, медленно наслаждаясь, бредёт по улице. Алый алтарь движения. Синяя нежность журчит сонными вздохами. Хрустящие сверкания тканно-кованных хрустальных криков.

Сменолиц: *(он всегда рядом и его всегда нет)*

– Вот видишь! Ты позволял себе любоваться видом, уличной суетой! Но праздник-то не у тебя! Да и почему-то же, другие люди, не зеваки, – идут по делу. Где теперь тебе успеть? Поезд-то ждать не будет! Он, как и всякая машина, есть порядок, то есть жестокость.

Спех: *(спохватившись и ускоряя шаги)*

– Но почему они могут сроки назначать, а мы должны успевать? Почему рок – срок?

Сменолиц:

– Ты же хочешь чтоб они взяли тебя с собой, – ты и спеши! Или ты не нужен, – ты уже знаешь это! Срок – единственная действительность. Без срока нет ни времени, ни пространства, ни движения. Сроки – сила. А они – силачи, – жрецы срока. Больше они владельцы времени. Они вправе им владеть. Ибо владение – это само право, его источник, а не следствие. Ты же не способен владеть! И получай! Срок! Срок – это милость для таких как ты.

Спех:

– Срок тюремный? Но это же не тюремный! К этому мы спешим, а того не можем дожидаться!

Сменолиц:

– Надежды дарованной ты не заслужил. Ждать – это льгота по сравнению с – торопиться. Ты торопишься, чтоб у тебя не отняли твою не дарованную, собственную, то есть сворованную надежду. Надежда – вина. Вина существования. Ты благодарен им за великодушное прощение.

Ты прощельга! Куда стремишься? В совладельцы? К владельцам времени? К временщикам?

Спех:

– Они мне не нужны. Лишь бы успеть уехать с ними. Туда! Туда!

Спех потерял дорогу. Оглядывается как рассвет. Ищет как мщение или ненастье. Он волнуясь спрашивает всех как пройти на вокзал. Вокзал заката заливается свободой вод. Где же жар? Все прохожие похожи на кого-то давно знакомого. На кого?

Сменолиц:

– Вокзал вон там. Через реку перейдёшь. Немного пройдёшь и увидишь сразу.

Спех бежит задыхаясь. Ханжество света – стон. Одышка – сутки. Стука сток. Вдруг огромная река. Охрипла. Толпы вод. Русалки искристые, рослые, скользкие слились, извиваясь зеркалами, в змею немую, Где же мост?

Самголос:

– Мост там. Мост – прошлое. Здесь строят новый. Воем. Выем.

Плотина спешная, осипшая, насыпная. Спи песок! Кипит, рябит работа. Навалим алым плиты. Орущие груды щебня. Снуют размашисто машины. Опять сломя голову бежит Спех.

Ломая ноги. И споткнувшись, как вкопанный остановился. В плотине прогал, бурлит вола, – не перебраться.

Сменолиц:

– Тут, как видишь, не пройти (*смеётся*)

Спех: (*в отчаянии*)

– Но как попасть туда?!

Сменолиц:

– Есть ещё подземный переход.

Подземный переход. Уверенный глянцевый простор. Стеклянная чистота. Всё выложено светлыми, как лето, плитками. Стены с цветистым ласковым узором, хитрым, как бегущие стихи. В узорах рыхло зевают розы.

Самголос:

– Красота, удобство! Но зачем же под рекой, когда над рекой скоро будет мост? Убежище что ли?

Но Спех по убежищу бежит уже. Ему некогда думать. Вот сейчас он выбежит из под земли. Увидит часы вокзальные. Неужели опоздал.

VI. Подворотня. Ум тьмы

Разум – подземный переход от страха. Пещеры мысли. Удежище от будущего. Разум под сознанием. Разум – самый дикий инстинкт. Самый молодой ещё. Не отшлифованный тысячилетиями, миллионами лет. И самый низменный – по назначению. Вниз от мечты рождённой чувствами и рождающей чувства и ощущения.

VII. Рост рока

Из под земли выбегает Спех.

Льётся улица жемчужно-дождливая. Томные завесы сизых слёз волнуются бледно дрожа. Журчат непрерывные ожерелья прохожих. Пухлыми искрами нанизаны воды звона.

Через улицу вокзал. Стеклянная, слепая, лютая клетка – бочка – ночка крыши. Дремотно-белозубая колоннада развершая разорённую пасть – спать посередине. Каркающий робкими коробками корабль блеющего блеска, скуласто проглотивший изящно спящее шествие неба.

На вокзальных часах остаётся одна минута.

Если б можно добежать до вокзала напрямик, то он ещё успел бы! Но как пробраться сквозь толпу? Не просунуться в её суету. Не переждать каждого. Люди льются как из ведра – плотной, настойчивой струёй.

Отчаяние. Кочка в болоте.

Внезапное тепло. Серые добрые пропасти глаз, пропасти покоя. В отчаянии ночи, сразу утро стонулось. Это возникла Умима.

Она ни на кого другого, только на себя похожа. Но она смутна, как сквозь синее сонное молоко.

Но ради неё ведь он живёт! А она, оказывается, ради него.

Она молчит и проходит – протекает мимо. Исчезая, тая, разливаясь. Но он то знает для чего она пришла. Сказать сказку покоя!

Но вокзал. Зал усталых запахов. Слипаются глаза билетных касс. Билет на следующий поезд. Вздох. Ушёл. Шёл скользкий. Догонять!

Спех в вагоне. Сонное шершавое освещение. Сосущая синии щи бессоница. Пассажиры жирно сопя, тускло дремлют. Проводник метёт, поднимая мудрую тучу пыли. Спех сухо задыхается.

Наконец станция. Спех едва успевает выпрыгнуть.

Спех окунулся в остановившуюся реку глухой, мозглой, тёплой, плотной темноты. Из глубины высматривает Спеха станция, чёрная с жёлтыми глазами.

Но почему так темно? Хрюкнул рок. Хриплый, властно-захолустный полустанок вместо станции яростно-рыжей. Жирное жующее пепелище ожидания – труп ссор огня.

Сменолиц:

– Так ты же поспешил слезть с поезда! Это не твоя станция. Ты попал, как всегда, не туда и не вовремя.

Спех: *(снова в отчаянии)*

– Теперь я уже их не догону! Следующий поезд когда ещё будет!

Сменолиц:

– Следующего не будет. Следующее – это прошлое. Будущее и есть то, что пропущено. *(успокаивающе)* – Но они тут где-то близко. Или сюда вернуться. Иди пешком. Туда. Там дождёшься – не дождёшься, жди.

VIII. Подворотня. Память тьмы

Сменолиц – всегда странно-знакомый перевоплощенец, переселенец лиц многократный – он – это переселение душ в одном лице. Чужое – живой упрёк в разных лицах. Упрёк нам и упрёк один, в том, что мы не нужны миру, но живём. Но и наше лицо – не лицо ли многих миллионов поколений? И может быть весь мир – это одна личность, которая силится, но не может вспомнить саму себя.

IX. Восток тока

В могучей мычащей ночи, – быстрые острова простора, рыщут. Немые чернила. Полчища молчания. Меховой хор страха. Тёплый колокол молящегося прищуренного молока. Испуганные угли гула. Ленивая влага смуглого волнения.

Спех торопится. Мимо вздохов. Мимо тьмы. Дремучая деревня. Машина тишины.

Но ночь вдруг текучими точками прострочена. Постройки крупного деревенского хозяйства поплелись. Теплицы, скотники, конюшни, склады.

Корабли пробирающиеся в щаж сияющих разморенного моря к обрыву берега рваному и тёмногривому, немому.

Пушистые избушки закопошились. Заулыбались белолобые платочки домиков-намёков.

Воздух иногда чист, как стакан звона звёзд, но иногда повеет навозом или болотом.

Спех едва плетётся. Одышка одолела. Кто-то, – не Сменолиц ли, – долго, нудно водит его по сутулому хозяйству. Мимо усталого посёлка.

В домиках доверчивые, курчавые огоньки. Остаться бы здесь! Навсегда.

Но Спеха заводят в контору. Никого. Острова махорочного дыма висят рассеиваясь. Пустые столы уставились на Спеха.

Спех: *(спохватывается снова)*

– Но где же они?

Сменолиц:

– Побыли-уехали Или не были. Но и не будет. (*смеётся*) – Ты опять не туда попал и не вовремя. Теперь возвращайся.

Опять сломя голову. Болтышаются бархатные камни темноты. Вот и станция. Глянцевая. Как облизанное блюдо безлюдной дали.

Чёрный дождь огней. Хромой грохот. Поезд мчится мимо. Здесь нет остановки.

Билет? Лет плеть. Без билета.

Спех заскакивает на ходу. Неудачно. Рука соскальзывает вниз по поручню. Спех висит. Шпалы пляшут. Щебень взбешен. Мчатся пощёчины.

Вот-вот Спех упадёт. Но Сменолиц подтягивает его.

Гневный вагон. Мелко трясущиеся колёса сердцебиения. Отдышался шепелявыми лохмотьями. Яма воздуха вспухла.

Скоро выходить. Но вдруг – проверка билетов. Вагон битком. Спех уселся подальше от проверки и ближе к выходу. Может быть, дай Боже, не успеют до него дойти?! Да это же из другого сна! Но наконец вокзал!

Самголос:

– Но где же их искать?

Сменолиц:

– Опять ты не туда и не вовремя попал, Спех! Они проехали дальше. Теперь уж их, и правда, не догнать. Теперь-то уж поступай как знаешь. (*исчезает навсегда*)

Холодный пот. Топот спит. Затаптали. Нет дыхания, мха рта. Спех тало устал.

Откуда ни возьмись – Умима.

Серые глаза мостовых. Дождливая толпа списывает сияния. Теплынь молитвами ветвей. Освещение журчит.

Вздохнуть – вдохнут свидание.

Самголос

– Свидание – даль сближения.

Спех:

– Умима не отвернись теперь! Я пропал: они меня с собой не взяли.

Умима: (*Туча голоса её низко стелется. Раскат-закат*)

– Нам не сними. И не туда. И не во время, а вне времени. Нам в храм.

Тихий храм. Огромный как гром. Заросли русой красоты. Знойны иконы бездонного пения. Седые похвалы лохматого ладана. Парчовые ручьи сероглазого звона. Сиреневые ливни ковров.

Цветок упавшего ветерка. Роса воскресения. Влажный пожар умиления. Аналой алого поклона. Пришедшие ждут. Чего? Нема Умима. Утих Спех.

Мостки. Скитаний сток

1. Пристань – стон. Остановись сияние тени! Остовень остынь!
Корабль – вздох вдалеке. Молитвы чертежам сникли.
Крадутся звёзды гроз. Разута тень росы.

2. Полёт – калитка. Напиток веса.
Пальцы неба. Листья ям.
Кипит пинок. Спит люто поле лет.

3. Синяк бессоницы. Снесите острова!
Босые списки стихшего песка. Засуетилось тление.
Волн шлёпанцы вздохнули. Лунною соломой ждут.
Жутко жуют. Уютна жвачка.

4. Сам – срок.
Сознание – опоздание.
Создание себя.

5. Учить уроки свеч стучащих. Рощи рыщут.
Сердцебиение разбоя – риз изба.
Ссоры рос соря, рисуй сияния избиений.

Плачизна. Плач по волосам столбец 3

I. Зазывальня

1. Вострубим в острожмурые трубы зауми, в острова гуслизова жемчужбины мостьбы! Рысы росы проруби бури грузьбы хрусь Руси, Сниковы оковы москови звин во поле вопля.

2. На кого же ты, Боже, покинул нас, малых детушек, шёл? оветушек слышнови? Осиротело тело безголовое у Руси, у всей молителой. Сиротство же наше – жаржажда, жди Бога.

3. Для разгону, развону разговор-разговение, ливоли, ливени, липоле. Сняли голову нашу, так по волосам и восплачем.

4. Плач – вече. Плач – вечен. Плач – вечер речьверчи, рычерви, рвиречи.

5. Но зачем же жечь стоны, затоны пухзвона, когда згнули мызги из мира ризжизни. Зачем меч – лечь плача, по волосам голосить, – ведь не все волосы дорости успели, а иные еще не выросли? А главное-безглавное, – мы ведь уходим навсегда?!

6. Нет мы не уйдем, хоть уходим. И этот плач – не по упущенному нами и невозвратимому, а по похищенному у нас. А похищенное должно вернуться к нам, потому что без него нам и уйти нельзя.

7. А упущенного у нас и не было. По нему пусть плачут похитители.

II. Волоселье

1. Плач звёзд дочерей очерних ночует вёдрами драмира яра чуд. Ладьи черныни ждаль снуют уютро. Мрачизны лжискры спят.

2. Всё созданое – это останки мысли, это – волосы на голове отрубленной. Города и вещи. Книги, летописи. Храмы разукрашенные. Песни, пляски. Одежды и обычаи. Искусства и науки. Веры и неверия.

3. Мы пренебрегаем головами, сберегаем волосы. Таково течение человечества во времени. Своё и общее. Потому что своё – это общее. А всё общее – лично. Не чужое – только волосы.

4. И память о человеке, и памятник ему, – это волосы. И душа и Бог – тоже волосы.

5. И уйти должны мы с волосами. Перевоплощение – не бессмертие. Плоть неотделима от души.

6. Деревни кружевные. Стремительные терема. Струятся судьбами усадьбы.

7. Рчища – городища. Рдыдар – род. Оруги города дырчат.

III. Восстанки

1. Плач тешит чешветры. Плачуры курчравят. Морчание звончара стручит.

2. Смерть – только образ, мера жизни. Бессмертие – это лишь иная мера.

3. Старость – не накопление смерти, а ступень роста.

4. Ветхость или юность? Старость – обновление.

5. Жизнь – игра в утраты. Игра в смерть. Любовь без смерти невозможна.

6. Жизнь есть воскресение. Останки должны жить.

7. Ризбабы рокописла мужилы плеснули. Столбовеют льюцели хмуризноу рзы. Хоропозг башнивеет молитвором ждара свежара.

IV. Любновь

1. Плачречь полчизны плечиста. Плачары млеча рыньте! Стеречь стеныречь разрухрама!

2. Оплакивание – любование. Любовь – оплакивание. Оплакивание тела как души. И души – как тела

3. Плач – возрождение.

4. Творчество существует ради созданного.
5. В прошлом больше нового, чем в настоящем или даже в будущем.
6. Будущее обветшало.
7. Охрипли арки трав роколоколен. Росписани завитель обнеба глубьют. Лягнулись огновы лунитями стеньбы.

V. Возрождева

1. Плач-плащ черночи стучит совиными сияниями ям.
Совец света мларцем уснул. Празелени зрец уронил икрону злотопи стопаза.
2. Новина и старина возможны только вместе.
3. Возрождение и воскресение обязательно для того чтоб мы могли идти вперед.
4. Возрождение в наших руках.
5. Воскресение в руках Божьих.
6. Уместимся ли мы тогда во времени и пространстве – неумирающие люди своими бесконечно растущими волосами? Но тогда и время пространство будут другими
7. Врубиновый спосох снежемчуга искрыхлит. Глубисером сферязя выпиты звёздры.
Старосьбы ветхитро горят лизумрудах.

VI. Движар

1. Дремудрые узоры. Сонный цветер. Просинь сени – синерица.
2. Плач наш деловит и страстен.
3. Мы хотим остаться, чтоб не стоять на месте.
4. Движение предполагает направление. Это – личность.
5. Но движение не только инерция или самосохранение. Это и ускорение или страсть.
Это рост.
6. Всё и вся движется, но всё и вся растёт. Предела роста нет.
7. Светёлки-тёлки окон. Крышаг конькачества крыльяростно ржёт. Крыльцаревна златемницы цырь!

VII. Молодцарство

1. Плач молока – плещ – плащаница. Плач – спас сознови сизори. Резвон утехрама плывет ветлалитвой слезовы.
2. Самосознание личности заумно. Сознание – любовь. Сознание – воссоздание нови.
3. Зарнизь зовраги гривневолги. Березлынь рощается. Прогрусть стариз змереет.
4. Рдя дливень, плесницы листыдно руснули. Ржилы жмурза пласть сребрить. Рокара увилости цвитрок.
5. Крестрени дремлины зменят. Срыба рочь рночь сиярит тюрмровью. Откровы рывкара слезарство князьрит.
6. Пещурица церквизга – мизгирь. Сгорела травера крестюри. Птицарствует зворон громира.
7. Молодцеватые колодцы. Младенцами лунцы. Вопливень лишалью ислонился.

Шкатулка шага

Ушаты шага шлёпнули сияния. Зашептало пшеничное нашествие тишины. Молись васильками!

Лаковые волки. Алые склоки. Пылкие салки колёс. Промчалось молчание. Повесть эта – как лоскутное одеяло. Случайно возникшие и несвязные между собой образы, мысли, слова, – я сшиваю в один, расчерченный заранее узор – порядок, пригоняя лоскутки друг к другу, и стараясь, чтоб ничего не оставалось неиспользованным.

<...>

конец фрагмента

**Фрагмент из шестого свода
«Скит» сборника «Пришелец»**

часть 2 Словесные игры не нашего века

**свод 6 Скит
сборник 1 Гости
сборник 2 Пришелец**

сборник 2 Пришелец

**свиток 1 Море времени
свиток 2 Море времени
свиток 3 Чёрный хрусталь**

свиток 1 Море времени

**столбец 1 Численник личности
столбец 2 Сорок сорок срока**

столбец 1 Численник личности

**глава 1 Аз
глава 2 Робкая утроба
глава 3 Резной зной
глава 4 Надежды дождя
глава 5 Румянец ночи
глава 6 Окно канунов
глава 7 Чудо чаяния**

Аз глава 1

1. Окнига

1. Я жду. Меня не ждут.
Идут дожди. Дождись.
Неожиданно моё явление.

Я – явь. Веление лени.
Я – чудо. Непризнание – неверие.
В чудо. И в меня.

Дверь веры – недоверие вора.
Мир – это недоверие.
Ко мне.
Камни смирны. Мир – смирение. Моё и мира.

2. Я – мимо.
Мимоходом. Вздохи входа.
Боясь прикосновений. Касание, косынка, косы.

Мимо мира.
Чтоб не нарушить мир.
Но не замечен.

Незамеченное – это и есть чудо.
Чужбина чуда.
Мир – чужое имя своего.

3. Чужое – возраст. Воз истории.
Чужое – род. Нора.
Народ не каждого.
Дом – дым. Огни. Погоня.

Далёкое – своё.
Чужое – вход. Исход. Движение.

Движение ж – ожидание. Дань.

Мнение – мена.
Мну немое. Мнимое – моё.
Меня я. Меня – минута.

4. Измена – имя.
Имя – мановение.
Манит новое.

Личность – стыд величины.
Тайна – величие стыда.
Молчание – наличие.

Личность дальше всех от самой себя.
Близость – знание.
Оно первоначально. Но нет к нему возврата.
Незнание – отсчёт. Счёт – рост. Отсчёт от самого себя.

5. Судьба – боязнь отсутствия. Суда. И приговора.
Случай не случаен. Личность знака.
Приметы – переключка. Времена знакомы.

Вселенная расслаблена.
Но слабость – сближение.
Пространство стремится домой.

Я жду вселенную в гости. Многоточие – часы.
Вселенная стремится скрыться от погони.
Но за её собственными пределами некуда деваться.

6. Стены – свобода. Свобода стен. Свободу стенам!
Заприте двери!
Ожидание свободы – свобода ожидания.
Самоосмотр. Смотр – смерть. Смерть смертьте.
Мёртвое – мера живого.
Мор меры – мера мира. Мор – мир.

Раб – образ. Образ – робость.
Бог – боязнь. Богобоязнь.
Окно – закон. Покой. Закона. Закон покоя.

7. Окно листает книгу далее.
Даль – это я.
Я дал. Юдоли удолю. Доля – даль.

2. Образорь

1. Вече свеч.
Повеяло речью.

Потухло ухо ночи.
Цветы молчания млечны.

Храм говора рассвета хром.
Восклицания солнца слиплись плеском.

Сгорбились погреба грома.
Мокрые звуки зорки.

Зык заката.
Мрак крика.

Мир – ярмо, смирение меры.
Смерть – память.

2. Краска – скорость
Росы ссоры.
Рысь простора.
Рост.

Буханка хляби.
Былина боли хлеба.
Любезные лабазы лебезят.

Плаха плохого.
Хлопоты хлопнули лысо.
Хлюпает полёт.

Подножья нож.
Кожанная нежность.
Коптит напиток стука.
Пни пения.
Сухость хора.
Узник знания.
Мохнатые сомнения мнутся.
Уродство гордо.

Наст.
Наставник.
Веко.
Ночь – ставни мира.
Посвист свиста.

Кружево дрожи.
Жмурки рока.
Скорость страха.
Рост.

3. Кремль ливня распух от башен шума.
Лопух ликующих ловких куполов вспотел полётом.
Тяжелые пожары луж толпятся глазами окликов.
Тёплый тополь топота кистью стука мажет.
Волки воплем оковали плевков лавки ласковой.
Окна, как книгу ног, перелистали улицу.

3. Сдума

1. Сдули думу.

Дремлет мёд.
Долины удивлённые легли глазами.
Дымка мудрости кудрява.

2. Свобода – выбор рабства.

Отсутствие выбора – сила.
Смирение – древность.
Стены – рост.

3. Робость бури.

Добры дебри.
Бритва ряби.
Хор оборок рока.

4. Свобода была бы пустой, если была бы пустота.

Пространство полно занятыми местами.
Время, тем более, состоит вплотную из событий.
Событие – это место занятое временем и время занятое местом.
Теснота означает что движение невозможно.
Движение есть выбор.
Выбор не может быть несвободным.
Предопределение – нежелание выбирать.
Но выбор – это и невозможность осуществления.
Личность – это наличие желания, но не только неосуществлённого, но и неосуществи-
мого.
Личность – это осуществление.

5. Выбор – мера.

Работа – робость.
Кража – жертва.
Тревога – Бог.

6. Короткие крыши смеются.

Мех рассказывает сохи сияний.
Синий шепот спешит.

7. Мир – раб.

Раб – мера.

Робость добра – добро робости.

Личность – невольная воля, невозможность неволи, неизбежность свободы.

4. Узоречь

1. Словраг

Узорычание ночеври звездрожит зелёныроя грустьснегами.
Пнизг светарства совещурился столбурыями ямира.
Свежар острожева свежариц, ножизни свероет.
Тмиг удрог чудрева, тишигрой шелчёрен.

Морчание ворчеи украдержи рожарва морует.
Ржутки травизги искривой снегровью ржуют.
Сночь палаচারы очизны значудо чадроег.

2. Ливночь

Ковер морей змеится грозами.
Румяный гром морей хромаег теремами.
Дворцы гарцуют бархатными молниями.
Поволокой волчьей пламенеют ливни.

3. Чудавка

Засада далеей.
Долг далеей.
Околоток далеей.
Даль облизывается близостью.

4. Сгрива

Певучая чара запахов.
Оплечья речи ручьями.
Харчок парчи мечтает.
Учтивый вечерок рокочет.

5. Ложлок

Луна зевнула.
Зелёный гул.
Ножны звона.
Нежно заснули пожары.

6. Весночь

Глаз ночи урчит серебром.
Сны совами сливают уют.
Взмахнув голосами снуёт весна.

7. Чётковрик

Мышление – счёт.

Всю жизнь перебираем мы мышления чётки, чётки самоопределений, все тех же мыслей чётки, чётки памяти-воспоминаний.

Чёткость – это точность, ясность, единообразие повторений, совпадение разного в одном, чередование образов с подобиями.

Новая мысль – рассыпанные чётки.

Отвлечённость – отвлечение от чёток.

Отвлечение – развлечение.

Всякий образ развлечение.

Потеха – похоть.

Утеха – утешение тишиной вдохновения.

Вдохновение – отдых.

И снова чётки слов, молчания чётки и красота молчания.

И чётки страсти – красота.

А за решёткой чёток – Бог или Свобода.

5. Узов

1. Завитки зависти

Зов – зависть.

Зависть – знание.

Зависть – завет.

Завещание – вещание.

Завещание – след будущего.

Творчество – завещание.

Будущее – наследство.

Искусство – зависть к будущему.

Будущее – зависть.

Зависть – разум.

Долг – зов зависти.

Самосознание – долг смерти.

Свобода – зависть.

Зависть – истина.

Истина – оковы зова

Разум – узы зауми.

Жизнь – узница зова.

Сознание – зазывание.

Голод долог.

Долг – ложь.

Долой долг!

2. Воз зова

Кузовок зова узок.

Возник зевок окон.

Оползень залпов вопля.

Взрыв зрения зарезан.

Ленивое полено света.

Вселенная – плевок волка.

Язык залива – звук Оки.

Окон, раскинулись русые покосы.

Стул ластится сутуло.

Сочни часа смеются.

Дар удара – род.

Предвидение – предание рода.

Гроздь заводов созвездий.

Груз зова заплакан.

3. Нежная дюжина

Мучнистые чуланы ночи.

Топят тучами шепота.

Прошлое ждёт.

Смерть – надежда.

Пещеры прощания.

Пращур щурится.

Лад – даль.

Владение – дно.

Запасы запоя.

Свеча стучится.

Любовь – вина.

Добро лениво.

Пламя смолкло.

Эхо сала.

Расправа – вера.

Зрение – смирение.

Пыль вопля.

Пляска лякнула.

Исповедь – заповедь.

Творчество – молитва.

Робкие горы.

Пруд горд.

Молитва прождает Бога.

Бог молится за нас.

Гусли снега слегли.

Голоса масла сломаны.

6. Узвон

1. Вестество своеводы

Естественные законы противоестественны.

Невозможность – не закон природы, потому что невозможность лична.

Пространство было.

Время будет.

А пока что их нет.

Рабство – разновидность свободы.

2. Пахоть, похаты

Помчались застенчивые чертежи ночей.
Пальцы улиц струятся струнными переборами робких переулков.

Заползали залпы павлинами звона.
Зарево рёва пашет шумами дыма дум дома.
Заикание заката мокнет камнями.
Указы, зарницами подписанные, зацвели санями ковровой крови.

Снег голосит сеном сияний.
Воз звонов увяз зеркалами колоколов ловкого молока.

Сани усами смеха снуют.
Сугробы зубрят гурьбою звонов, вязанками возваний вязких.

Крыльцо лицует рыхлые округи.
Стряхнули терема мохнатые ступни пения ног взгрустнувших.

Пылится пыл залпом вопля.
Крик искр кривится, церковью снов лохматого ковыля.

3. Звон зван

Звонегга звани.
Звара звин.
Звизгора звоныри.
Узрень рузвер.

4. Смелочь темари

Молчание мучительно звучно.
Оглохло небо.
Но не небо – слух.
Слух – похоть тишины.
Тишина шумит мошкарою звёзд.
Вселенная осипла.
Тьма немоты – обман.

5. Ночередь мерсти

Зов смерти – жизнь.
Бытие – пребывание.
Ожидание зова – очередь.
Желание – милость смерти.

7. Точкара

1. Ноги мига.
Нагайка звёзд вскипела списками.
Плетётся болото ситцем сиплым.

2. Губы – мысль.

Ум бега обуглился снегом.

Тачка ночи ничком точки.

3. Чуткие сучья.

Чертёж открытия погас ртом.

4. Вселенная вогнута.

Выпуклы только окопы сомнения.

Не вложены миры друг в друга.

А выложены друг из друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.